

фантастическая
история

Книги Марика Лернера
в серии «Фантастическая История»

МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ
МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ. ВОСТОК

СОВСЕМ НЕ ПРОГРЕССОР

ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА
ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА. ВРАТА УЧЕНОСТИ
ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА. ПОСТРОИТЬ БУДУЩЕЕ
ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА. ПОБЕДИТЕЛЕЙ СУДЯТ ПОТОМКИ

КОЛОНИСТ
ФЕДЕРАЛИСТ

ДЕЛАЙ, ЧТО МОЖЕШЬ

ВОЙНА ЗА ВЕРУ
ЗА ПРОРОЧИЦУ И ВЕРУ

МОСКВА, 2022

фантастическая
история

Марик Лернер

За Пророкицц и верц

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л49

Серия основана в 2010 году
Выпуск 154

Лернер М.

Л49 За Пророчицу и веру: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022. — 313 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-3423-7

Религиозные войны вещь непростая. Их легко начать и практически нереально закончить. Особенно если твои последователи очень быстро начинают понимать, что под правильным флагом можно неплохо пограбить и обзавестись землей. Всего лишь нужно прочесть формулу «очищения». А дальше бей, круши и жги... Проблема в том, что ты уже съел по горло сражениями и бесконечными потоками крови, но остановиться невозможно. Никто не поймет, даже сама Пророчица, начавшая с призыва к равноправию и любви. Ну как тут не нести веру заблудшим, сжигая города?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марик Лернер, 2022
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022

ISBN 978-5-9922-3423-7

Часть первая ИМПЕРАТОР

Глава 1 ПАДЕНИЕ ЗАРИТОСА

Мой долгий путь подошел к концу. Впереди выросли городские стены Заритоса¹, не пожелавшего сдаться. На огромном пространстве, насколько хватает глаз, беспорядочно рассыпаны тысячи палаток. Иногда больших, где расположились командиры, но чаще на одного-двух человек. Навскидку собралось тысяч тридцать, плюс со мной не меньше пятнадцати пришло. Серьезная сила, если правильно направить.

Мы едем мимо стен города на холм чуть в стороне от дорог и ворот. Там расположена целая с виду вилла, над которой вьется мой личный флаг — поднимающееся красное солнце с лучами на белом фоне и надписью стандартным латинским шрифтом, но на лингва тамазигхт, как большинству привычнее: «За Пророчицу и веру». Отправленная вперед группа четко выполнила задачу, обеспечив удобное место для стоянки не только командирам, но и обоим легионам. А чуть в стороне поместятся и прочие сопровождающие части.

Четырнадцать месяцев и добрых две тысячи миль триумфального похода по побережью. Еще не похоронили трупы на поле сражения, как помчались мои гонцы и голуби с письмами, а также повезли подстрекательские листовки. Крестьяне прекрасно помнили историю двухлетней давности, когда мы грабили исключительно виллы, а мелких арендаторов не трогали, даже платили за фураж и постой. Теперь я прямо заявил, земли переходят под мою руку и налоговые выплаты снижаются до минимальных пятнадцати процентов от урожая. Правовверные платят десять. Изначально и вовсе хотели освободить своих от поборов, но это путь нехороший. Чем больше

¹ Античный Zarytos; ныне известен как Бизерта. — *Здесь и далее примеч. авт.*

станет «чистых», тем меньше денег в казне. Настанет время, и придется все равно обкладывать платежами, так пусть лучше с самого начала, но не сильно обременительного размера.

Безусловно, для правильного определения суммы пользовались кадастрами, описывающими участки и чем владеет семья. Такие стандартно раз в пять лет переписывались и уточнялись прежде. Бюрократия нам досталась от румлян и сейчас очень уместна, избавляя от излишних дрязг. Потому что частенько города отдавали откупщикам отдельные виды сборов, а я такую практику категорически запретил. Слишком часто они выбивали гораздо большую сумму, чем изначально по правилам требовалось. Но нельзя ж брать, сколько податные скажут, доверие тоже имеет границы.

Ну а если семья дает в войско крепкого парня, так и вовсе освобождается на год от любых поборов. Естественно, он может вернуться по истечении срока домой, если уцелел, однако тогда участок остается без льгот.

Больше ничего не потребовалось для взрыва. Платить вместо сорока—пятидесяти всего десять процентов?! Деревенские общины наперегонки побежали преклонять колени и требовать (!) прислать им магида¹, чтоб обучил правильным молитвам. Конечно, можно не сомневаться, большинство продолжит приносить жертвы своим домашним идолам еще долго. Но дети их уже будут верующими, поскольку учеба у присланных становилась обязательной.

Но кого волнуют такие вещи, когда можно освободиться от налогов и не платить вовсе, отдав младшего сына в армию, которому все равно получать после смерти отца нечего?! Сельское население, за редчайшим исключением, поднялось в едином порыве, внезапно уверовав в Единого. Городские жители, а также ополченцы и наемники подвергались нападениям на каждом шагу, стоило высунуться из-за крепостных стен. Хозяев земли вырезали буквально семьями, и они бежали, бросая имущество. Потом эти земли разделили между своими, и в большинстве случаев мои люди утверждали итог кровавого передела. Иногда часть поместья или целиком от-

¹ Магид — рассказывающий или говорящий. Первоначально странствующий проповедник, позднее священник, глава общины и местного молитвенного дома.

давались моим заслуженным соратникам. Они могли селиться там или сдавать в аренду местным жителям. Тоже пример для подражания.

По арцотам — округам бродили целые крестьянские армии, не щадящие никого, имеющего доход чуть выше среднего, и целенаправленно охотящиеся на откупщиков и хозяев поместий, включая храмовые земли, и приход моих отрядов буквально приносил облегчение всем. Волубис, Альтава, Тасакора, Большой Порт, Картенна, Икосий, Ауция, Ситифия, Цирта, Калама, Тагаст — нет числа большим и малым городам, открывавшим ворота в надежде на защиту от взбесившейся черни. И реально пару раз приходилось уничтожать излишне распоясавшихся и не желающих подчиняться. А некоторые отряды расформировывал, разбрасывая по отдельным частям. Причем еще и по конкурсу брал. Молодых и здоровых.

Лишь однажды Тингис¹ не сдался на милость победителей. Их тоже можно понять. Городские власти были одними из основных интересантов в приглашении зверолов и прекрасно знали, чем это для них закончится.

Списки нарушивших прежний договор у меня имелись, и после занятия очередного города казни начинались практически сразу. Тем не менее важнее было не прикончить, а отобрать подчистую имущество. Очень скоро замазанные в переговорах и призывах к войне поняли это и побежали в две стороны. За море, забрав наиболее ценное, и мне навстречу. Потому что я милостив, как предписывает религия.

Пришедших с повинной не убивали. Землю да, отбирал. Но это у всех. Двенадцать миль от городских стен остались во власти муниципалий. А жизнь не отнимал, наложив весомый штраф. Достаточно заложников из ближайших родственников. Кто поумнее, прекрасно сознавал, на новом месте ничего хорошего не ждет и лучше лишиться части добра, чем всего. Конечно, от иных можно было получить в будущем неприятности, но это в порядке вещей, второго прощения им не получить. Ведь сказано в «Диатессароне»²: «Будь милосерден к

¹ Нынешний Танжер.

² Гармонизированное евангелие. Сборник изречений Пророчицы, составленный Писарем — Илаком.

кающемся, но если он повторил предательство, значит, душа тяготеет к злу. Третьего раза случиться не должно». И еще: «При оценке поступков всегда исходи из побуждений. Случайные оплошности и грехом считать нельзя. Сознательное нанесение вреда — преступление».

Городские должности, а во внутренние дела вмешиваться государство в моем лице не собиралось, из-за перетряски и новых законов, со снижением ценза и дарованием гражданства становились доступны людям, прежде не участвовавшим в управлении, — ремесленникам и мелким купцам. Плюс всякие ограничения на приобретение собственности и распоряжение ею законным способом убирались новым Кодексом, что сразу делало сторонниками пришедшего порядка множество народа. Прежде люди, не имеющие двух родителей, родившихся здесь, десятилетиями жили в городах, но приобрести недвижимость не имели права.

Если крестьяне готовы были удавить прежних хозяев и нередко это делали, то городские ворота при появлении моих знамен открывали мастерские. Половина бескровно взятых союзных портов пережила бунты с погромами и смену руководства. Кодекс действовал с момента оглашения в новом городе, но он был одинаков для любого и обратной силы не имел. Имущество считалось принадлежащим хозяину по прежнему договору или реальному владению. Надо ли пояснять, как с удовольствием шел передел не только пахотной земли, но и особняков с мастерскими еще до вступления правоверных в город.

Голуби с кораблями летали и ходили куда быстрее моего войска. Я не особо торопился, давая время не желавшим умирать за чужие права принять правильное решение. Тингис решил биться. Внутреннее недовольство подавили наемники, и ворота не открыли. Рано или поздно это должно было случиться. Они были убеждены, что мои люди не умеют брать укрепления. Так и есть. Но я и не стал убивать бойцов, кидая их в лобовую атаку. Просто сжег город дотла. Напалм не создал, но нечто вроде, практически невозможное погасить водой и прилипающее на основе нефти и загустителя с мелкими добавками давно имею. Назвал все равно этим словом, чтоб не морочиться. Оставалось лишь поставить требушеты и тупо швырять, пока пожар не поднялся до самого неба, а немногие

уцелевшие загрузились на корабли и, проклиная, не уплыли. Химия вещь полезная. Не знаю, аналог ли это греческого огня, но сработало прекрасно.

Дело в том, что история моя несколько нетипична для приличного мавретанца и известна только одному человеку — сестре. Родившись на Земле, попал по не зависящим от меня причинам в этот мир, очень напоминающий прошлое, но во многом и кардинально от него отличающийся. И местный друид, поставивший на мне оригинальный опыт вивисекции, добился немалого успеха. Фактически я умер, слившись своим сознанием со старым и крайне неприятным бывшим наемником и убийцей. Память обоих причудливо перемешалась, создав новую личность и вытеснив многое из нас прежних. Знания землянина частично сохранились, однако про родных и тамошнюю жизнь почти ничего не помнил. Зато здешнюю неплохо. Так что сумел выдать себя за сына того человека.

Два курса института с упором на химию, по здешним понятиям, серьезнейшее образование. Во всяком случае, сварить мыло, сделать динамит или перегонный куб, создавая керосин и лампу, мне удалось без особых сложностей, как и шариковую ручку с печатным станком. И жить бы, поживать, сладко кушая и набивая кошель, да понесло по не зависящим от меня причинам в совершенно другом направлении. Я не виноват, что сестра оказалась Пророчицей и за ней пошли люди. Иногда тебя несет по течению, и выгребать против потока опасно.

Одно можно сказать о Тингисе. То, как быстро и жестко расправился с пятнадцатитысячным городом, обнесенным прекрасными оборонительными стенами, произвело яркое впечатление и на моих новых подданных, и на еще колеблющихся. Соппротивление окончательно исчезло. Более того, мне с поклоном и без малейшего нажима наперебой стали подносить золотые венки, признавая высшим правителем. На сегодняшний день уже семьдесят четыре весом в добрых двадцать пять талантов.

«Смерть ждет меня, и мы встретимся скоро, — затаяли за спиной древнюю песню. — Смерть не забудет меня, и я не опоздаю к ней никогда».

Теперь уже не сотня охраны пела, а гремело по всему легиону, и от звуков мужского хора мурашки бежали по коже. Это исполняют перед боем.

«Встречу с ней даже трус не отменит, я иду. Пусть зовет, я не тороплюсь».

Конечно, это не тот легион. Достаточно знакомое слово, не вызывающее недоуменных вопросов, но совершенно иное содержание.

Три отряда по тысяче человек, разделенные на сотни и десятки. Восемь сотен из десяти в каждом подразделении были обычные пехотинцы, вооруженные гладкоствольными ружьями со штыками. Благодаря последнему они не нуждались в прикрытии пикинерами, и можно было создать на узком участке мощный огневой удар. Одна сотня состояла из застрельщиков, имеющих нарезные стволы. Еще одна считалась элитной. Туда назначались заслуженные ветераны, обученные использовать гранаты и прочие хитрые фокусы. В составе легиона находилась и конница: пять сотен кирасиров от слова «кираса», закрывающая спину и грудь сталью. Они были нужны для таранного удара, и шесть сотен легкой кавалерии, глаза и уши армии. Их подразделения занимались разведкой, шли впереди и прикрывали тылы. Каждая тысяча пехоты имела приданную ей артиллерию: четыре пушки-восьмифунтовки и две шестифунтовых гаубицы. Плюс барабанщики, медики, интенданты, вспомогательные части, на десять человек один обозник. Непременных проституток и маркитанток в составе не считаю. На этих приходилось закрывать глаза, но в военный лагерь их не допускали. Списочного состава набиралось до пяти тысяч. И таких легионов у меня на сегодняшний день два.

Все дело в том, что конницы много, и прекрасной. Из кочевников получают замечательные бойцы. Но пользы от нее при штурме укрепленных позиций немного. Да и стойкостью не отличаются. К тому же они охотно служат, пока могут разжиться трофеями, и так же легко уходят домой, если не особо добыча велика. Большинство пехоты из бывших крестьян и рабов, которых учить еще и учить. К тому же вооружены они обычно чем попало и грозны исключительно количеством. Особой надежды при столкновении с профессиональным противником на них не питаю. Есть так называемые союзни-

ки, вынужденные служить. Доверия к их отрядам не испытываю. Ну еще имеются достаточно стойкие и мотивированные единоверцы. Которых не так много.

Потому и создавал постоянную армию, чтоб было на кого без всяких сомнений опереться. Отбирал из готовых и проверенных боем. Люди первого «Победоносного» и второго «Разрывающего цепи» участвовали в разгроме коалиции Пятидесятиградья с урсами и готовы были идти до конца. Практически все правоверные и, помимо бывших крестьян, больше половины рабы, вольноотпущенники и харатины¹. Стать элитой для них многое значило, и дисциплине они подчинялись, не изображая поруганную честь. Легионеры получали стабильное жалованье в отличие от остальных и имели на вооружении однотипное огнестрельное оружие. Фактически мои заводы работали исключительно на армию, даже не на все подразделения. Надо сказать, дорогое удовольствие, лично б не потянул такое количество ружей и пушек, однако оплачивало все государство за счет грабежа врагов. Пока война исправно кормила сама себя.

Наметом к голове колонны примчался всадник, отвлекая от размышлений. Ему сначала перекрыли движение, затем пропустили.

— Этнарх² Аннибал приветствует тебя и просит присоединиться в его шатре для дружеской беседы.

— Ты совсем взрослый стал, Ганон! — говорю с удивлением, глядя в обветренное лицо. Летят годы неизвестно куда.

— Я уже не ребенок, отец, — с отчетливой гордостью заявляет.

Строго говоря, он мне не сын, точнее, приемный, но если не считать юридического заскока насчет наследства, сознательно провел обряд вхождения в семью уже после рождения общих с Олимпиадой детей, чтоб после моей смерти не случилось драки за имущество, но никогда не отличал его в какую-либо сторону. Ни худшую, ни лучшую. Не по годам серьезный мальчишка и не чужой. Возился с ним не меньше, чем со своими. Понятно, до семи лет. В этом возрасте отдают на вос-

¹ Харатины — покоренные и поставленные в подчиненное положение племена.

² Этнарх — правитель этноса, народа.

питание родственникам или друзьям. В данном случае он получил первые уроки жизни под началом выходца из кочевников. Для жителей плоскогорья нормально, как и обратное. Уж точно из седла не выпадет и на скаку попадет из лука в цель. А насчет прочего будет видно.

Синий отнюдь не дурак и не случайно пользуется огромным авторитетом в степи. Правда, вот подобное приглашение совсем не смотрится красивым. Не он меня, а я его должен звать на совещание согласно более высокому уровню. Но посланец не зря употребил выражение. На посиделки приятельские вроде зовет, а не разбор. При этом не забывает вставить титул «этнарх», подчеркивая власть над целым районом. Гонец всего лишь голос, слова он обязан повторять четко и без отсебятины. Я в курсе, что Аннибал претендует на так называемые земли нумидийцев и по большей части опирается на туарегов, живущих в южной части того, что на Земле называлось Алжиром. И все ж хочется ему или нет, я император — глава военных сил правоверных. И решать, когда обниматься, тоже стану без дополнительных намеков.

— И прошел «очищение».

Пророчица требовала сознательного выбора, и дети не могли прямо в младенчестве стать правоверными. Нужно было вырасти.

— Я теперь Александр. И уже не комбатан, а аспирант!¹

Все ж не удержался и похвастался. А в сочетании с именем матери — Олимпиада — звучит совсем намекающе. Я не против, пусть повторит достижения Македонского.

— Поздравляю, — хлопаю по плечу. Обниматься, сидя на лошадях, не слишком удобно. — Но вот насчет взрослости... — И с иронией интересуюсь: — А почему не пишешь матери? Нужно напоминать регулярно или мне обратиться прямо к твоему наставнику, чтоб он проверял?

— Ну, ты ж знаешь, как ходят письма, — пробормотал Александр, теряя весь апломб.

— Предлагаешь организовать государственную почту? — задумчиво спрашиваю.

Кстати, давно б надо заняться. Полезная вещь.

— Я... нет... не думал...

¹ Аспир а н т — не простой боец, а участвовавший в боях.

— А пора б соображать, — говорю без насмешки. — Если взрослый и ответственный мужчина. Жениться еще не надумал?

— Есть девушка. — Он покраснел, аж сквозь загар и смуглую от рождения кожу стало заметно. — А куда мы едем, отец?

Ну да совсем не на встречу с Аннибалом. Подождет.

— Не знаю, чему тебя учил наставник, — говорю серьезно, — но запомни на будущее. Прежде чем обсуждать нечто, хотя б осаду города, требуется осмотреть его укрепления лично, а не полагаться на чьи-то донесения и слова.

Лагерь организовать можно и без меня. Второй легион этим займется согласно распорядку. Тут указаний не требуется. Напротив, если после пяти лет походов и стычек кто-то спросит, в каком порядке ему ставить палатки или рыть отхожие ямы, немедленно уберу с должности как профнепригодного. Любой из командиров начинал максимум с десятника и эту науку изучил на практике. Иногда собственными руками вымеряя расстояние и выкапывая ровик для дерьма. Поэтому могу спокойно проследовать дальше в сопровождении охраны.

В первую очередь меня интересовал выход в море. Здесь прекрасный залив, и, пройдя через Голетту или Горло, судно защищено от любых штормов и ветров. Заритос стоит на берегу озера, способного принять весь флот Средиземноморья. Вода в нем пресная, что достаточно удобно в качестве источника снабжения, однако до берега пришлось прорыть канал, иначе кораблям не пройти. Соленой воде перекрыт путь дамбой, а вот заткнуть дорогу для обеспечения города обычными средствами невозможно. Стены вокруг него футов тридцать высотой, а здесь еще и натыкали артиллерию. Причем, судя по докладам, это не местная самодеятельность. Урсы привезли. У нас была возможность ознакомиться с их творчеством на примере добытых трофеев.

Снаряд оказался странной спиральной формы, да и сам ствол пушки походил на шестигранник, закрученный по спирали¹. Ядро летело почти на шесть миль, что совершенно излишне в полевых сражениях, но немаловажно при обороне крепостей и на близком расстоянии очень точно. Хотя нам

¹ Реальные пушки Уитворта.

досталась дюжина целых и шесть серьезно поврежденных экземпляров, повторить их оказалось невозможно. Были какие-то секреты, позволяющие создавать достаточно тонкие стенки и соответственно уменьшать вес. К тому же запас снарядов небольшой и очень быстро подошел бы к концу. Правда, додумались спиливать круглые ядра, делая их гранеными, но понятно, какая морока. К тому же прежние характеристики уже полученных таблиц для стрельбы пришлось переделывать, а точность заметно понизилась.

Суть в том, что близко артиллерию не поставит из-за наличия таких страшилищ у противника, но на каждую дырку есть свой хитрый болт. И я его нашел достаточно быстро, прекрасно зная, что именно разыскиваю. То есть когда стены строились, никто еще всерьез не задумывался о роли артиллерии. А она нынче представлена не одними бомбардами, стреляющими прямой наводкой. Находим холм, расположенный не очень далеко от канала, а лучше парочку, и ставим за обратным скатом тяжелые мортиры с гаубицами. На самой вершине достаточно поместить наблюдателей, и самые лучшие дальнобойные орудия мало что смогут против контрбатареи стрельбы.

— Ага, — сказал Мизинец, занимающий пост начальника артиллерии всех моих сил, включая осадные орудия. — Не идиот, соображаю. Сделаю из кораблей обломки.

И то, достаточно одному ядру тяжелой мортиры попасть в идущую галеру, как прошибет насквозь, сверху до дна. Вот про гаубицы пока неясно, не случилось проверить на море, но в любом случае урон должны нанести серьезный. А канал-то узкий. Достаточно вставшей поперек триеры или пузатого купеческого гаулоса, чтоб создать пробку и топить в любом количестве подкрепления.

— Только мне прикрытие понадобится. Они ж пойдут на вылазку.

— Первый легион полностью в твоём распоряжении.

Он довольно кивнул. Первым командовала Малха, его жена. По-моему, она больше заботилась о своих подчиненных, чем о супруге, но это точно не мое дело. Зато уверен, все необходимое оба сделают. Правильной осады с траншеями и подкопами мы пока не вели и опыта особого не имеем. Я тоже не энциклопедия знаний, хотя от Фенека-изгоя досталось доста-

точно для общего понимания мероприятий. В очередной раз излагаю с мудрым видом внимательно слушающим командирам диспозицию и чуть не получаю ядром. На стенах заинтересовались собранием и явным наличием старших начальников, что хорошо определяется по свите и богатым одеждам. Влупили сразу тремя орудиями по скоплению всадников. К счастью, всего одного и убило да лошадь пострадала. Пристреляться мы не дали, поспешно убравшись за холм. Горожане радостно кричали, но меня такие вещи не раздражают. Сегодня вам повезло, завтра обратка прилетит.

— Да, — сказал Александр, когда глянул на него. — Я тоже понял. Наставник Аннибал говорит, в тебе нет настоящего упоения битвы. Ты плохой боец. Зато хороший полководец и думаешь заранее. Не гадаешь, а точно просчитываешь врага.

Тут прилетел очередной посланец, позволив не комментировать высказывание. А то даже не знаю, комплимент ли это. Я долго учился не впадать в ярость, чем славился прежний Фенек, но иногда и сейчас реагирую импульсивно. Просто с некоторых пор не имею желаний доказывать кому бы то ни было геройство. Я себе цену знаю, а если кто не согласен, плевать.

Конь весь в мыле и дышит тяжело. Чуть не загнал. Синий совсем сбрендил на почве недостатка уважения и вздумал требовать явиться срочно?

— Пророчица приехала! — сказал всадник, счастливо улыбаясь. — У главных ворот.

А вот это уже игнорировать нельзя, переглядываемся.

— Вы готовьтесь, и поэнергичнее, — говорю супругам. — Стрелков и орудия прямо сейчас на позицию, но чтоб никто на виду не стоял.

Махаю рукой, и скачем с сотней охраны, оставив за спиной легион.

Чем ближе подъезжаем, тем занятнее сцена. Мария стоит напротив главных ворот, к счастью, на предельном расстоянии от орудийного выстрела. Уж не знаю, подсказали или сама сообразила, однако не подставляется по-глупому. А вокруг целая толпа. Похоже, она не одна приехала, а с многочисленной армией последователей. Большинство из них в качестве бойцов никуда не годятся, зато ученые и все ее проповеди знают наизусть. А еще сзади за ней постоянно тащится толпа

всевозможных больных, сумасшедших, фанатиков. И ходит она среди этих уродов постоянно, а также лечит. Мне пришлось две сотни отборных парней приставить к ней в качестве охраны.

Сейчас вокруг толпятся набежавшие выразить почтение старейшины кочевых племен и горских родов. Практически все они здесь не от желания познать веру, а за неимением иного выхода. Сначала к ним приходили мои люди и очень вежливо просили поделиться имуществом во имя Ylim. Обычно хозяева уже знали, что сопротивляющийся и иноверец платят больше. И сами принимались перечислять множество невзгод, обрушившихся на его семейство. Пастбища стали скудными, засуха осушила колодцы, и скот болеет, своих бедняков надо поддерживать. Это могло продолжаться очень долго, но крайне редко шли к очередным жертвам, не имея представления о благосостоянии данного племени. А когда они слышали о равной доле для участников походов, скрепя сердце соглашались с необходимостью платить налог. Реально мало кто из них помнил даже простейшие молитвы, хотя именем Его клясться не забывали.

— Не называйте себя «чистыми», — однажды сказала Мария, не выдержав общения. — Вера еще не проникла в ваши сердца.

Как бы то ни было, племя за племенем, они принимали наши требования и называли себя правоверными, а значит, вынуждены были и новые законы, касающиеся женщин, соблюдать. А чтоб уж совсем гарантировать правильное поведение, показательно ломали статуэтки и разбивали камни, которым поклонялись кочевники.

— Предложите еще раз сдаться, — сказала Мария, глядя из-под руки, чтоб солнце не слепило со стороны высоких стен Заритоса.

Я не стал демонстративно пожимать плечами и рассказывать про наивность. Где угодно, но не при таком количестве чужих глаз и ушей. Уже ходили с предложением три дня назад, когда пришли первые отряды, о чем известно мне, но и остальным, полагаю, тоже. Отправил герольда со стандартным посланием. Он доехал до ворот с оливковой ветвью в руке. Какое-то время стоял, дожидаясь появления городских начальников. Мы лениво перебрасывались репликами и здорова-

лись. Писаря давно не видел. Он, скотина, перебежал к Пророчице и заведует ее финансами. Поскольку не раб и честно предупредил, обиды на него не держу. Пирра, приставленного в качестве начальника охраны Марии, тоже редко встречаю. Есть о чем побеседовать, опять же не на людях.

И тут случилось. Никто не ждал такой реакции. Со стен внезапно открыли стрельбу. Явно даже без предупреждения. Посол погиб на месте, а над замершим войском повис гневный крик.

— Я не хотела крови! — сказала Мария с болью.

Слышно было сначала только стоявшим рядом, а затем звук прозвучал для каждого. Возможно, и на стенах. Этот фокус жриц не имел отношения к усилению, а то б гремело рядом жутко. А как они добиваются, мне не понять. Магия бытовая, неподвластная разуму земного человека.

— Но за все надо платить. За попрание законов человеческих и божьих будет наказан весь город!

Она встала на колени.

— Ради веры в Него карают зло и защищают добродетель, — звучало для каждого, и люди невольно повторяли.

— Он истину знает, вершит Высший суд, Он вездесущ, и если иное не может помочь, позволено сталью врага одолеть.

На ногах остались очень немногие. Даже иноверцы в большинстве поддались общему порыву. Только в стороне стояла кучка иудеев. Недавно ко мне заявили целым табором. Совместно девять племен, достаточно сильных в Тунисе, чтоб с ними считались. Они очень хорошо поняли, что если даже не спалим Заритос, то уж им ничего не поможет против такой орды. Я охотно принял в союзники. Стандартные условия по части выставления воинов и налога.

— Кроме Ylim, нет других богов! — провозгласила Мария, заканчивая литургию.

На миг опустилась полная тишина, а затем раздался жуткий грохот. Прямо на глазах мощная башня и часть стены рухнули, открывая проход.

— Узрите все, — яростно вскричала Мария, — вам послан знак! Всем идолопоклонникам, верящим в Единого, пусть несколько иначе, и вам, правоверные! Погрязшие в грехах и грязных мыслях — смотрите и убедитесь! Он отдал город вам!

Она очень изменилась, и неизвестно, к лучшему ли это. Никому не говорил и никогда не скажу, что, приняв правоту необходимости сражаться за веру, она долго рыдала на моем плече. Не к этому стремилась, проповедуя братство и любовь. К сожалению, другого пути нет. Наша революция должна уметь защищаться, иначе в этом мире уцелеть невозможно. Кто первый меч воткнул, тот и правит. А теперь она уже сама посылает уничтожить целый город. Иного толкования не найти.

— Кроме Ylim, нет других богов! — поставила точку.

— Кроме Ylim, нет других богов! — повторил дружный хор тысяч голосов.

А потом завывли трубы, ударили барабаны и яростная человеческая река хлынула на приступ. Большинство начальников остались сзади и кинулись догонять. Синий-Аннибал задумчиво посмотрел на меня, потом нечто пробормотал и тоже уехал. Его кочевники побежали грабить первыми. На этом фоне продолжавший стоять легион смотрелся изумительно. Но время терять было нельзя, еще немного, и они тоже сорвутся.

— Нет! — обернувшись, я почти зарычал в лицо Павлу и Николаю, старшим командирам второго легиона. — Вы ведете своих людей к воротам. Они могут попытаться прорваться. Если будут сдаваться, поступайте как обычно. Дерущихся — бейте насмерть без разговоров. И не волнуйтесь, внакладе никто не останется. Это лично я обещаю, так и скажите всем.

— Агат! — позвал я вечно торчащего рядом начальника личной разведки. — Бери сотню и выясни.

— Понял, — сказал тот, прекрасно зная, о чем речь, и тут же испарился.

Марии к этому моменту тоже не было. К счастью, ей не пришлось в голову лезть по грудам камней в пролом. Она медленно шла куда-то в сторону, и кроме охраны рядом никого. Молодец, Рыжий. Его люди не помчались грабить. Удержал. Если когда-нибудь захочет сменить поле деятельности, охотно поставлю во главе третьего легиона.

Отправил посыльного к Малхе, чтоб внимательно смотрели за каналом, и не стал сам ехать. Вот что пользы от меня, не из мортир же стрелять. Все поручения розданы, и если подчиненные не способны сделать правильно, то крики уже не помогут. Парочка бывших карателей с птицами у них есть, скор-

ректировать огонь вполне способны. Зарыться не успели, да теперь уже не важно. Вряд ли предстоит серьезный бой. Самые умные побегут сразу, остальных вырежут. На двадцать с лишним тысяч жителей пара тысяч наемников плюс неизвестное число беглецов с округи — вдвое больше вооруженных и желающих набить карманы сейчас в город влезло, не считая обозников. Тут сопротивляйся или сдавайся — результат один. Хорошо, если жизнь оставят.

Ох, нет. Не все побежали.

— А ведь твои сородичи тоже там, — говорю Саулу, наблюдающему за мной в компании вечно торчащего рядом менестреля.

Писарь номер два этот Ганикс. Все записывает и фиксирует. Только прежний летописец поперек никогда б не пошел, а от певца неизвестно чего ждать. Потому близко не подпускаю, но и не гоню. В отличие от Писаря он не заиклен на вере и честно клепает историю последних лет. А если там будут содержаться не особо приятные эпитеты, то и начхать. Правда есть правда, и по-настоящему нечего стыдиться. Скорее от его хвалебных баллад смешно, хотя они и пользуются немалым успехом. Если б про кого другого услышал то же самое, не поверил бы. Уж больно напоминаю Илью Муромца. Махну мечом и сразу рать прорежу наполовину. Ага, последний раз лично убивал много лет назад. Но летопись у него совсем другая. Четко делится на «мне это рассказывал такой-то, иногда с добавлением, верить ли ему, решать читателю» и на то, что он сам видел. Может, и выйдет нечто полезное для истории. А то иногда ловлю себя, что уже не помню, в каком городе собрание по поводу введения Кодекса. Везде одно и то же. Зато Ганикс создал такое:

С Кодексом значимым справедливость познал человек,
Всяк, беден иль богат, — правосудие имеет.
И на всей земле не найти уголка,
Где б правдой не свяtilась его рука.

Ну разве после такого выгонишь?

— И кому они все дружно понесут награбленное? — спросил ответно Саул, изображая недоумение.

— Тебе, бескорыстному.

— Боюсь, — понижая голос, явно чтоб ушастый Ганикс не зафиксировал где-то в записях, — моих денег может не хватить на приобретение того дерьма, что натаскают.

— Ты без советов знаешь, где взять. Даже без процентов, но потом покажешь, вдруг мне что понравится. Я скажу кому надо.

— Благодарю, мой господин. Безмерно благодарен.

Если он может с первых моих заводов иметь постоянные пять процентов, почему мне не поучаствовать в замечательном бизнесе. Солдаты всегда и во все времена отдают по дешевке трофеи. За выпивку, девок и даже еду. Он с самого начала под моим покровительством работает поставщиком и скупщиком. Причем никакой гнили по определению и завышения цен, когда дело касается снабжения легионов. А половина прибыли уходит Олимпиаде, на ее нужды. Так что могу на короткий срок поделиться из казны. Все равно не было еще случая, чтоб меньше чем втрое нажился на таких трофеях. А в ближайшие дни чужого добра будет много.

— Без доклада никого не пускать, — говорю охране и захожу в виллу.

Здесь явно побывали в немалом количестве не особо ценящие красоту, поскольку некоторые ниши, где обычно стоят статуи или маски умерших предков, пустовали, но после этого прибрали. Какой смысл ставить так близко от городских стен загородный дом, не вполне ясно, да и не особо волнует. Точно не для надзора за работниками, пашущими землю. Здесь даже нормальной давильни для винограда или оливок нет. Какие-то общие признаки мавретанских горских домов с римским стандартом можно было уловить без особого труда. Но это, скорее всего, просто условия диктуют и климат.

Атрий, центральная часть виллы, прежде был двором, где готовилась еда. Потом над ним сделали крышу, оставив отверстие для света. Здесь объем помещения настолько велик, что пришлось поставить колонны, чтоб держать балки и черепицу. Зато внизу полно места. Именно тут солидный человек и принимает гостей с посетителями, для чего стоят пуфики, на которых возлежат, и столик. Стены украшены фресками с картинками из сельской жизни, под ногами орнаменты из мозаики. Ну как-то так я согласен жить, поскольку строилось с

учетом климата и жары. Все продувается, в центре фонтанчик, окруженный зеленью.

Снаружи знакомо бухнуло. Потом еще раз, и пошло грохотать почти без перерыва. Не только мортиры, но и гаубицы. Кажется, драп начался даже раньше ожидаемого. Надеюсь, всех утопят. А вот потом придется пристроить парочку фортов, напичканных серьезными орудиями, чтоб не допустить в будущем повторения, но уже по моим потомкам.

Без особой охоты извлек из тубуса очередную пачку бумаг и углубился в изучение. Наверное, большинство считает, что царем быть замечательно. Водишь войска в походы. С утра до вечера весело проводишь время в окружении красавиц и лишь изредка отрываешься от охоты, подписывая надоедливые бумаги. На то и бюрократия, чтоб все двигалось в правильном направлении. Если бы! Если чиновник толковый — значит, непременно тайно ворует, глупый — тащит открыто. Честных абсолютно не встречал, а чтоб не крал и при этом соображал в порученном деле, и вовсе не припомню. Остается опираться на близких людей, которым вроде незачем тырить. Жена смотрит за заводами, Тодор за западной частью Мавретана. Еще дядьке Клыку могу доверять. Он у меня по части артиллерии, но годы идут, и он не так бодр. Агат еще. Собственно, на этом список людей, которые сделают как мне надо, а не в личных интересах, по-настоящему исчерпывается. Желтое Крыло и вовсе помер не так давно, а Писарь у Марии теперь. За всеми остальными нужен глаз да глаз. А уж доносов пишут! И ведь приходится разбираться, истину сообщил или подсидеть хотел начальника аль старого недруга.

Ну вот, пожалуйста. Обычное вроде б сообщение, а теперь придется послать кого-то с инспекцией. Сотник Аврелий, что крайне неприятно — из самых первых «чистых», убился по пьяни и собственной дурасти, сверзившись с лошади. Абсолютно точно не по злему умыслу, иначе б не писали такие вещи. Дело в том, что в его багаже оказалось свыше трех тысяч золотых монет. Неоткуда ему иметь такую сумму, и хуже всего — не нашей чеканки, а иберийской. То ли за шпионаж заплатили, то ли взятки брал, а последняя должность его — наместник в городе на побережье, то ли ограбил кого. Что хуже?

Гиену послать, записываю. В отличие от большинства карателей, принявших Единого и в большинстве своем получивших высокие должности, остался упертым язычником. И плевать. Зато по части следствия специалист и охотно берется за такие вещи при должной оплате. Пусть всех закошмарит, как он обожает, но докопается, откуда деньги. Кстати, пора заводить нормальную полицию. Слишком много народа нынче стало, и мне нужны порученцы с умением находить преступников.

Филарет, сын Грома Небесного, нынче сотник и правоверный, а еще два года назад заложник из рода Топорища, сунул-ся в атрий.

— Агат вернулся.

— Зови. И еды пусть принесут.

Агат вошел, стуча сапогами, и без надлежащего приветствия плюхнулся на кушетку напротив. Подождал, пока оставят блюда на столе и уйдут, и только затем открыл рот.

— Никто не сможет ответить на вопрос, — сказал он глухо. — Мне не пришлось ничего делать. Дом стоял вплотную к стене, и всех завалило.

После такого там живых остаться не могло.

А если б случилось, можно не сомневаться, Агат лично бы перерезал глотки выжившим. Достаточно часто ему намекать не требуется. Сам все понимает и не колеблется. Это ведь его люди, завербованные много лет назад, когда еще не шла речь о захвате, просто сообщали интересные новости. Но за золото они были готовы и на серьезные дела.

— Надеюсь, это так. Но все равно объяви, на случай, если кто уцелел, что ждем.

— Мы никогда не выясним, что случилось. — Тон был просительный.

Если все тамошние погибли, то на свете есть всего двое, знающие, что подкоп готовился давно. И взрывчатку завезли не вчера. Возчики были не в курсе, что за груз, а рыли члены одной семьи. Такими вещами с посторонними не делятся.

— Я приказ не отдавал. Это должно было произойти завтра, — честно сознаюсь. — Когда легионы отдохнули б после марша и пушки были бы установлены.

— Мы имеем свободу воли и готовим мину, — сказал Агат задумчиво. — Но когда взорвать, решает Он.

Прекрасное объяснение. Уж лучше, чем внезапно уроненный нашим шпионом ящик с динамитом как раз под конец молитвы.

— Случилось чудо, — наливая в кружку вино и кивая ему, подвожу итог навсегда, — пусть им и останется.

Глава 2

ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

На звук шагов мы обернулись одновременно. Ко мне кто попало без доклада и просто так мимо охраны не приходит. А сейчас и вовсе мало найдется желающих, все мародерствуют. И сразу автоматически вскочили, одновременно поклонившись.

— Пойду, — пробормотал Агат, когда Мария отмахнулась от знаков почтения. — Делом займусь.

Я как-то не понял каким, но удерживать не стал. Дождался, пока Мария сядет, и тоже опустил ся напротив. Из кармана ее платья моментально выскочил Пицци и требовательно заверещал. Пришлось дать ему кусочек мяса. Он без особого интереса принялся грызть, на голодного отнюдь не смахивает. Зачем тогда просил? А чтоб показать, насколько важен. Попробуй особо не отметить, примется мешать. И ведь не вредная в принципе скотинка, но хочет быть в центре внимания. Мне не жалко почесать.

— Выпивали, — сказала она, глянув на кружки. — Тебе тоже неприятно? — И ткнула пальцем в сторону стены. — Ты ведь знаешь, что сейчас творится в Заритосе.

— Это было неизбежно, — говорю без малейших колебаний. — Они отказались сдаться и убили герольда. Нужен пример для остальных, чтоб и думать о сопротивлении не посмели.

— А наоборот не выйдет?

— Я не Пророк и будущее не предсказываю.

— Зато я Пророчица! — сказала Мария с болью.

Пицци перестал пощипывать угощение и подбежал к ней, ткнувшись головкой в ногу. Все ж нельзя не увидеть, как реагирует на настроение. Она машинально погладила зверька.

— Я несу слово Божье и говорю про любовь. А сегодня это было не его веление. Мое. Я разрешила.

— Он дал знак.

И отныне это не подлежит сомнению. Пусть ее душа останется чистой. За ложь расплачиваться мне на том свете. И я заплачу за сказанное, но не пожалею даже там.

— Но этого ли Он хотел? — спросила Мария с болью.

Пицци уже сидел на плече и терся о ее щеку. Эмоции Спутники ловят моментально. Расстроена не показушно.

— Не знаю. И никто не знает. На то нам и дана свобода воли и действий. Мы сами решаем и выбираем. Я их не толкал стрелять в посла. И скажу со всей ответственностью, за все нужно платить. За кровь в особенности. Раз стрелявших не остановили, а там присутствовало руководство города, то отвечают все.

Глотнул из кружки чуток, только чтоб смочить глотку.

— Если собаку то бить, то гладить, она не поймет, чего от нее ждут, и может покусать без всякой причины. Зато если твой враг твердо знает, что обещания выполняются всегда, ему не требуется лишний раз объяснять последствия. Сдающиеся без боя получают одни условия. Сопrotивляющиеся иные. Нужно поступать одинаково, согласно однажды сказанному. Это и есть справедливость. У нас на очереди Картаго¹, и может быть, они станут покладистей, узнав, как погиб этот город.

Картаго построили еще румляне возле развалин старого пунического Картадашта, фактически назвав прежним, но исковерканным латынью названием. Он еще тогда стал центром области, уж больно место удачное, а сейчас крупнейший в Пятидесятиградье. А это подразумевает и военную силу.

— Не мучай себя, что сделано, то сделано. Надеюсь, вторично не потребуетя. Ну-ка, — наполняя кружку вином, протягиваю, — старый метод. Поверь мне, чтоб вышибить тоску, нужно хорошо надраться.

И переспать с девчонкой ласковой, но это несколько неуместно излагать в нашей ситуации.

— Лучше б, конечно, бренди, чтоб быстрее по мозгам жакнуло, но и так сойдет. Вино хорошее и к баранине прекрасно

¹ Карфаген от Carthago (лат.).

подходит. Посидим, поговорим. Когда мы так, с глазу на глаз, в последний раз беседовали?

Мария смотрела секунду, потом лихо опрокинула в рот содержимое кружки. В ее откровениях содержалась достаточно скользкая формулировка про осуждение употребления для пустого удовольствия любых веществ, вызывающих привыкание. Лишь на День Мертвых¹, раз в году и не доходя до скотского состояния, позволительно. И то, совершивший преступление в таком виде получает двойное наказание.

Табак у нас и так особо распространения не получил, однако были любители подымить. Но хотя конкретный список озвучен не был, подразумевались наркотики любого вида, о чем имелась соответствующая цитата. Для медицины — да, чисто для удовольствия — нет. Вино с бренди под осуждение не попали, пусть и напиться можно до отвратительного состояния. И правильно, как по мне. Средиземноморье слишком привыкло к виноградной лозе и производимому из него напитку. Его употребляли все зачастую вместо воды.

— Давно. Я скучаю по тем временам, — призналась застенчиво.

— Я тоже.

Мы снова выпили, чокнувшись, чтоб плеснуло через край в сосуд собутельника, и улыбнулись друг другу. По местным понятиям высший знак доверия.

— К тому же не приходилось думать о государственных проблемах. И кто там меня ненавидит и желает подгадить. Раньше были одни родичи Корня, да и то больше для вида. Напасть боялись. А теперь их сотни, и все норовят обмануть, а то чего и похуже.

— О, как я тебя понимаю.

Она, ничуть не чинясь, с ходу принялась накладывать специальным черпачком из горшочка в глубокую тарелку бульон вместе с неким местным аналогом пельменей, в котором он и варился. Ложка, как и у всех, у нее своя и всегда с собой. Только не деревянная, а серебряная. Может себе позволить. Полагаю, она была б самая богатая в Северной Африке за счет постоянно выделяемой доли трофеев, если б не тратила без раздумий на помощь нуждающимся и отсылку кучи денег

¹ Праздник поминовения умерших.

вестникам-магидам по всей стране. Проповедники, несущие слово божье, не должны нищенствовать, по ее убеждению. А если сумели зацепиться в новых местах, то на содержание молитвенного дома требуется немало. Не уверен, что помнит обо всех тратах. Давно уже есть личный секретарь, эконом — заведующий земельными владениями и поступлениями с них, казначей, отвечающий за расходы и доходы. К счастью, все они из самых первых Чистых, а за казну отвечает бесконечно честный до щепетильности Приблуда, нынче Матафей. Он способен и меня достать требованиями и непременными бумажками. Зато к рукам ничего не прилипает. И это важнее всего прочего. Фактически он свое прежнее состояние растратил на службе, и пришлось пару лет назад Марии намекать, чтоб ему жалованье приличное начали платить, а то б со счастливой рожей из-за благородного поведения загнал в нищету собственную семью.

— Могущество и слава растут, а реальная власть куда-то девается. Люди из самых лучших побуждений прячут нечто важное, да и невозможно справиться со всем. Приходится поручать то или иное верным и знающим, а они сами принимают решения. Иногда задним числом уже и не отменить. Хуже будет. Вкусно, — сказала попробовав.

Никаких запретов на питание она так и не провозгласила, хотя постные дни существовали каждую неделю. Каждый четвертый и шестой день. Мяса не ели, поскольку продавалось оно в эти дни идоложертвенное. Падаль запрещалась в принципе. При этом сознательно оговаривалось, что одно воздержание не полезно для спасения души из-за гордыни. Еще и молитвы в немалом количестве в постный день в полдень помимо дополнительных утром и вечером. Зато седьмой день считался выходным и совпадал с таковым у иудеев и павликиан. Воскресенья-то не было! Павел умер, казненный. Точнее, четвертованный во искупление человеческих грехов. До сих пор спорят, он сознательно сдался или нет и где сейчас.

— У меня есть профессиональный повар из бывших рабов, способный приготовить мясо, чтоб его приняли за рыбу, или в одном куске одна половина будет соленой, а другая сладкой. Некоторые аристократы положительно ненормальные. Не

знают уже, чего придумать из тщеславия для посрамления соседей. У меня он такими изысками не балуется.

Если честно, давно достала вечная баранина и даже верблюжати́на. Когда есть возможность, выбираю рыбу с парочкой кружек вина. На общем фоне почти трезвенник, предпочитающий квас.

— Некогда ему ерундой маяться. На всю сотню охраны готовит.

— В смысле, это из общего котла?

— Ну не каждый день так едим, в походе некогда, но — да. Отдельно не готовят.

— Как, оказывается, прекрасно живут мои воины, — сказала она с отчетливой иронией, доедая. — Даже с перцем.

— Не надо все ж забывать, моя сотня — это кузница будущих центурионов и викариев¹. Почти все дети Чистых плюс немного родовитых союзников. Через годик-два видно, можно дать повышение в войска или назначить на серьезную должность. А простые легионеры нормально жрут, если командиры не идиоты. В моих отрядах голодных не бывает. Боец с пустым желудком — плохой. И это не мое убеждение, а факт.

— Между прочим, глиняные горшки и тарелки случайно не намек на аскетизм? А то мне стыдно. Кушаю на серебре и серебряной ложкой.

— Зато тебя нельзя подкупить.

— Говорят, и тебя. — Мария посмотрела прищурившись.

Пицци на ее коленях даже и не подумал открыть глаза, продолжая блаженно щуриться под глядящей рукой.

— Не ври, — хмыкаю, — наверняка жалуются.

— А есть на что?

— Ты в курсе, что твой Спутник слишком явно реагирует на эмоции? Вот сейчас могу с уверенностью сказать, обвиняющий тон исключительно внешний. Ничуть не сердиться и не подозреваешь. А я ведь не один такой. Кто постоянно с тобой общается, может прекрасно знать.

— Он только у тебя еду берет, — сказала Мария со вздохом.

Ели они оба с изрядным аппетитом. Как Публий умудрялся из привычной баранины с картофелем, который не так дав-

¹ От *vicarium* — наместник, заместитель (*лат.*).

но считали годным разве что на корм скоту, приготовить по-настоящему вкусное блюдо, мне не понять. Мое кулинарное искусство так и не ушло дальше поджаренного куска мяса на костре или варки каши. Слава богу, существует жена, воспитанник или настоящий кухарь.

— И никогда не попадаете на глаза во время докладов. Причем не учила и не просила. Сам так с самого начала делает. Но просителям это не помогает. Люди пахнут по-разному, но когда волнуются, боятся или врут, я всегда знаю, даже если Пицци находится в другом конце комнаты.

Что-то такое я давно подозревал. Но спрашивать бесполезно. Агат, Синий, Бирюк, Сова, еще парочка хорошо знакомых карателей не ответили, еще и посмотрели нехорошо. Нечего лезть в тайны, пусть давно уже не в почтарях числятся, на моей службе, а Синий без Спутника много лет. Казалось бы, чего скрытничать теперь.

— И нет, я взятку не беру. Подарки не в счет.

— А в чем разница? — заинтересованно спросила Мария.

— Элементарная. Подарок выражает уважение, и отказать от него — нанести обиду. Причем всегда следует ответный, иногда дороже. А взятка берется за определенные действия в пользу просителя. И нет, я не бескорыстный. Против денег ничего не имею. Особенно больших.

И заводы мои нынче продукцию стабильно поставляют в армию, получая неплохой навар. Причем уже не в двух местах работают, а во многих. Гораздо удобнее перегонкой той же нефти на месте заниматься и везти уже керосин, например. Просто раньше пришлось бы договариваться с тамошними родами и племенами, а теперь это просто мое личное. И пусть кто вякнет.

— Но деньги не главное, хотя важны. Гораздо серьезнее, что могу оставить о себе память. Не знаю, видишь ты или нет, но мы строим государство для всех, а не обычное, когда верхушка держится за счет силы захватчиков. При этом отнюдь не страну, где все могут быть счастливы и довольны. Всегда будут бедные и богатые. Кто-то от рождения умен, а другой глуп, кому-то везет, а иному Бог не послал детей, или он просто лентяй и пьяница. Не только семьи, но и целые роды поднимаются и падают.

Мы в очередной раз выпили.

— Но можно сделать так, чтоб люди не продавали детей, спасая от голода. Чтобы у каждого на обед каждый день была хотя б курица и яичница не по большим праздникам.

Маленькая скотина, нажравшись, вообще легла вверх брюхом, позволяя себя чесать, и счастливо запищала, когда послушно погладил в нужных местах и принялся скрести пальцами животик.

— Можно ли добиться? Богатый всегда отнимет у бедного.

— Твое духовное дело — внушить необходимость помогать несчастным. Мое — обеспечить это по закону.

— Но ты ж делаешь прямо противоположное! Отнимаешь доход у успешных, да и у государства!

— Нет. Я снизил налоги не для того, чтоб кого-то ограбить. Я создаю общество, заинтересованное в нашей власти. Люди получили важнейший стимул увеличивать, насколько это возможно, количество продаваемой продукции. Таможни снимаю между городами, побережьем и горами подчистую. Увидишь, неминуем рост торговли. На руках у простых крестьян появятся деньги. Оборот станет в два раза больше. А с каждой сделки мы получаем свой процент.

«Мы» здесь отнюдь не оговорка. Десятина на нужды веры стабильно идет, а кроме того с каждой военной добычи доля.

— Чем больше оборот, тем выше доход империи.

— Земли все равно начнут рано или поздно перераспределять, — указала Мария четко в цель. — Ты сам сказал, люди разные. Работящие и умелые получают больший урожай. А кто-то обязательно разорится. В итоге через поколение опять будут большие плантации и маленькие участки арендаторов.

— Да, так и будет. И многие забудут прежние размеры налогов и станут ныть, как им плохо. Поэтому так важно принять общие законы.

— Ты ломаешь древнюю традицию.

И вполне сознательно, превращая граждан в подданных. Людей традиционно объединяли не по национальности, а религии. Если в древности в каждом городе существовали местные боги и любые приезжие становились неполноценными жителями, то со временем они все получили гражданство, однако практически всегда существовало несколько отдельных религиозных общин. Глава ее отвечал за законопослушность своих людей. Фактически у них были свои отдельные интере-

сы, и иногда договориться об общих действиях крайне проблематично. А внутри все связаны круговой порукой. Это удобно, когда нужно собирать налоги, и жутко вредно, если часть общины посчитает себя ущемленной. Ведь каждая имела свои правила и привилегии с льготами и цепко смотрела за их выполнением, пусть вопреки городскому доходу.

Даже Пятидесятиградье, состоящее в союзе, не признавало над собой некой верховной власти, сохраняя местные законы и правила. Они жили отдельной жизнью и за столетия так и не слились в некую общую нацию, несмотря на общий язык и даже религию. Зачем, если ничего не связывало помимо корыстного интереса защиты кораблей и купцов?

Мне требовалось сломать мешающие правила раз и навсегда. Если хочешь удержать власть, постарайся не при помощи одного меча. Такая обречена. История страны пишется трудом обычных людей. Потому в основу положен принцип: все подданные, независимо от происхождения, имеют равные права и обязанности — вот главная идея. И с этой целью собрал специалистов: два по римскому праву, парочка местных мавретанских знатоков обычаев, две жрицы, трое авторитетных кочевников из разных племен и даже юриста, специализирующегося на законах звероловцев. На удивление, они не погрязли в спорах, а в течение шести месяцев выдали итоговый труд — Судебный кодекс, включающий в себя гражданский, торговый и уголовный, обязательные для всех. Кое-что прямо скопировали, как многие положения всем известного родосского морского права и римского имущественного. Главное, они не противоречат основной идее. На практике все категории подданных выводились из-под власти общин и ставились в зависимость от государства.

Чтоб не было неизбежных разночтений, в города назначались шуфлеты-судьи, обязанные следовать прописанному в толстенном томе при разборе жалоб и преступлений. Сам Кодекс был напечатан, по нему готовились мои чиновники, да и ознакомиться мог каждый. Естественно, нововведение взбесило очень многих. Вполне предсказуемо. Кое-где пришлось давить военной силой. Но чаще реформы проходили под недовольное бурчание, не больше. И причина проста: имущественные цензы сознательно снижались, численность выбор-

щиков увеличилась сразу вдвое. Новые граждане получали очень много прав и терпеть прежних хозяев не желали.

— Общая система мер, весов и правила, включая снятие любых таможен в стране на общую пользу, — твердо заявляю. — Судей я набирал из предварительно прошедших обучение и имеющих юридический опыт, достойный масихийя.

Она еле заметно поморщилась. Не любила Мария это слово. Если точно переводить, «следующие за Мессией». Корни греческие, не здешние, но в городах его употребляли гораздо чаще, чем привычное «чистые» или «правовверные».

— Я не об этом.

— На земле всегда должно быть две разделенные власти, — твердо заявляю. — Духовная и светская. Первая установлена Богом для заботы о душах людских и научения идти правильным путем совершенствования. Вторая управляет «телесными действиями подданных», и не нужно смешивать. Каждодневное управление жизни должно находиться в руках обычных чиновников. Потому что, когда жрец лезет в мирские проблемы, он невольно становится стороной конфликта. Его право и обязанность — учить, к чему стремиться и что греховно, а не лезть в драку за кусок поля. Вот если кто творит несправедливость, долг магида — возмутиться публично. Иначе учителя веры начнут думать в первую очередь о личной мошне и со временем превратятся в угнетателей собственного народа. Пусть лучше несут свет, чем тень. По крайней мере, в идеальном виде, — заканчиваю после паузы.

— Гражданская свобода существует там, где уважается собственность, — процитировала Мария заголовок из Кодекса, поднимая кружку.

Выпила и со стуком поставила на пол. Глаза блестят, движения резкие. Похоже, она крепко набралась. Ливийское вино коварное. Пьешь как воду, а потом внезапно ноги не держат.

— Ты действительно иной. Правильно или нет, но думаешь о будущем для всех. Приземленном, подходящем для живущих и понятном им. Я могу говорить, все кивают, ничего не движется. А ты повелел, и выполняют!

— Э?

— Хочешь жениться, — сказала Мария с усмешкой, — посади с невестой вместе два дерева у дороги. Развестись — че-

тыре. Засохли при твоей жизни, посади другие. Просто и понятно. Да еще и на пользу проходим, которые могут отдохнуть в тени или сорвать плод, проголодавшись. И ссылаешься при этом на меня! Не ради корысти требование, а во исполнение слов Пророчицы! Что она говорила о добрых делах и опустынивании в результате сведения лесов?

— Я не прав?

— В том-то и дело — прав! Но как вывернул! Не своей волей, а вера обязывает. Ох, Влад, как ты умеешь себе на пользу повернуть!

— Обидно говоришь, — бурчу.

При чем здесь моя польза. Можно подумать, мне одному от этого лучше в перспективе.

— Знаешь, — сказала Мария, — чем дальше, тем больше я жалею, что мы с тобой стали братом с сестрой.

Я невольно напрягся. Это уже неприятно запахло.

— Лучше б ты меня в жены взял, — огорошила неожиданным поворотом. — Тогда всем без разницы было, кто я и откуда. А что детей не рожу, больных же тебе и мне не надо, так против других баб ничего бы не имела. Ты б своих усыновил честь по чести, зато как бы мы замечательно жили! Я ведь женщина! Молодая и достаточно красивая...

«Надо б найти хорошего художника и сделать парочку ее реальных портретов, — подумалось невпопад. — А то через поколение навдумывают».

— Ты знаешь, — снова выпив, продолжила Мария, — Он со мной больше не говорит. Все нужное сказано. И сегодня я от себя отдала город. Не по воле Его.

— Может, основное уже прозвучало? — говорю осторожно. — Когда потребуется, снова обратится.

— И что? — Она явно не слушала. — Я все равно осталась Пророчицей, и некуда бежать от этой роли. Даже уйди завтра в никуда, смогу ли жить обычной жизнью? С тобой бы смогла. Но ты ж тоже от этой ответственности не уйдешь. Семья, государство, все на твоих плечах. Никогда не бросишь. А сама — нет, не смогу спрятаться. Все равно не удержусь и стану лечить людей. А там слух пойдет, и опознают хоть в Иберии, хоть в самой Византии.

Не нравятся мне эти мысли. Очень. Понять могу, принять — жуть берет, что у нее в душе. Выше головы не прыг-

нешь, а все вокруг в рот смотрят. Неудивительно, что только в пьяном виде и заговорила.

— Не святая я, — сказала Мария тоскливо. — Иногда смотришь на парня, аж горит между ногами. А он либо пугается при первом намеке, либо мечтает через меня власть получить, что гораздо хуже. И верить никому нельзя, у каждого свои интересы. Мой личный секретарь, и тот норовит пустить только полезных ему, а бедняков оттирает.

— Писаря нужно поставить на место? — прямо спрашиваю.

Мне и раньше на него кляузы писали, но не лез в их дела. Заигрался мой бывший колон, раз уже Мария заметила. Когда-то был полезен, и я не возражал против такого перехода на новую должность. Разжирел, нахватал земли из конфискованной. Какая-то у него болезненная страсть к недвижимости. По жизни ведь не скуп, охотно ссужал деньги старым знакомым без процентов, мог не требовать долго, если человек в стесненных обстоятельствах, но попробуй попроси участок земли из приобретенных им. Прекрасный способ довести до сердечного приступа.

— Хе-хе, — сказала Мария. — Кто говорил про разные ветви власти? Не твои проблемы. Сегодня ты будешь пугать моего секретаря, завтра еще кого. А потом непременно обратное случится. Я твоим чиновникам ручки загребушие пооткручиваю.

Это про конкретного или как? Нужно выяснить.

— Разделение так разделение. Я ведь тебя слушаю и даже особо не возражаю. Достаточно. Дай бедной девушке возможность поплакаться. А где можно прилечь? — спросила без перехода.

Пришлось проводить в соседнюю комнату — таблинимум. Спальня далеко, а здесь кабинет бывшего хозяина, отделенный легкой дверью с неизменными масками предков. Кровать для меня пока не держат в обозе. Чаше его для скорости совсем не имеется, а все нужное на выючных лошадях и мулов грузят. И такового немного. Я всегда шел со своими воинами, разделяя с ними лишения и питаюсь из одного котла. А значит, и комфорта обычно не больше, чем у любого легионера. И делал это не для видимости или чтоб завоевать любовь. Это

принцип. Какой смысл запрещать другим таскать за собой сундуки, если сам этим занимаешься?

Здесь имелся толстенный мягкий ковер, оставшийся от хозяев, на котором подстелен плащ и положена подушка. Обычный походный набор. Она завалилась не раздеваясь и практически сразу засопела, а потом и захрапела. Не помню, чтоб раньше такие звуки издавала. Пицци устроился у нее в ногах.

Окна закрыты тонкой материей-сеткой. Насекомых не пропускает, а если кто полезет — услышу. Снаружи охрана. Пройти можно только мимо меня. Поэтому уселся и снова принялся старательно пересчитывать по доступным данным общую приблизительную сумму. Пошлины в районе двух—двух с половиной процентов от стоимости товаров, на рабов сознательно ввел пять. В последнее время цена заметно упала, уж больно много их после войн, но корабли с севера охотно забирают. Двойная выгода. Избавляюсь от ненужного добра и на обороте неплохо зарабатываю.

Четверть пошлины полисы теперь отдадут в качестве регулярной дани. На круг выходит до миллиона ауреев в год. Сколько всего можно сделать на это золото! Как минимум требовалось расселить часть правоверных на занятых землях. Это практиковали еще румляне, создавая колонии на оккупированных территориях. На ветеранов можно опереться в случае мятежа. Ведь новые поселенцы получали права на манер казаков и в случае неприятностей обязаны выставить вооруженный отряд. Приблизительный устав такого поселения легко нашелся в библиотеке одного из городов, некогда именно по такой схеме и организованного. Я его в последнее время тщательно изучал, делая выписки.

— Чего? — раздраженно спросил, когда в атрий сунулся сотник.

— Из города прибежали, — бодро доложил тот. — Возле пристани зверомордые с полулюдьми засели в домах и отстреливаются.

— И что, — брюзгливо спрашиваю, — сами не могут догадаться орудия подтащить, а не биться лбом о каменные стены? Или им жалко с пушкарями делиться?

— Так и сказать?

— Пророчица отдала город на разграбление, — прорвалось раздражение, — и что там происходит, не мое дело.

Он глубокомысленно кивнул. Только сейчас обратил внимание, у него на шее висит «Рука Марии». На самом деле ладонь с пальцами и неперменной надписью: «Кроме Ylim, нет других». Вместо крестиков носят. И тоже очень разные бывают. Из железа, серебра, золота и даже с драгоценными камнями. Откуда пошло, так и не доискался. Вроде и прежде нечто похожее в качестве оберегов использовали. В правилах такого не было, чистая самодеятельность.

— Еще чего? — недовольно интересуюсь, поскольку не уходит.

— Там Зенобия, — полупшепотом докладывает и почти демонстративно озирается в поисках Пророчицы. — А, госпожа...

Моя сестра старательно уклонялась от общения с главой группы жриц, хотя их и величали среди правоверных «марьямийя», следующие по пути Марии. Они еще со времен обители не в лучших отношениях, и об этом, оказывается, даже сотник в курсе. Умный Филарет, а не просто случайный рубака. Хорошо последствия просчитывает для себя.

— Пусть заходит.

— Дождь под ноги, Влад, — сказала жрица, некогда именуемая Пятнадцатой в обители и знакомая еще с той поры. — Ты просил зайти?

Изумительно, как много можно сказать обычными словами; невольно внутренне улыбаюсь приветствуя. По имени, не император, не приказал, а просил, будто не получает постоянную плату за лечение. О, она себя совершенно открыто ставит на одну доску со мной. Независимая и гордая.

— Угощайся, — показываю на столик. — Мария спит. — На взгляд через плечо уточняю: — И разговор не имеет отношения к ней.

Молодая, а как умеет себя подать. Эта приподнятая бровь, выражающая недоумение без всяких слов. Умничка. Такая мне и нужна.

— Кому ты служишь, Зена? — Такое обращение вполне нормально. Только на официальных встречах называют полным именем. Да и на Влада не реагирую. — Танит?

Дверь тихонько приоткрылась за ее спиной, и высунулась мордочка подслушивающего Пицли. Мне не жалко, пусть передает разговор.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ИМПЕРАТОР	5
Часть вторая. ФАРАОН	178
<i>Эпilog</i>	303